
ТЕМА НОМЕРА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОГО И НАДЕЖНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 34.096

DOI: 10.31249/iajpravo/2025.03.01

КОДАНЕВА С.И.¹ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (Статья)

Аннотация. В статье анализируются новые правоотношения, возникающие в связи с массовым распространением генеративного искусственного интеллекта. Показано, что алгоритмы оказывают преобразующее воздействие на все сферы жизни общества и приводят к появлению новых бизнес-процессов, способов взаимодействия государства с гражданами и моделей социального управления. Однако рождаются новые технологические и социальные риски. Предложены подходы к формированию правового регулирования использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровое право; верховенство права; экспериментальные правовые режимы; генеративный искусственный интеллект; цифровое государство; глубокие подделки.

KODANEVA S.I. The Transformative Impact of Artificial Intelligence on the State and Society: Legal Challenges and Ways to Overcome Them (Article)

Abstract. The article analyzes new legal relations arising in connection with the massive spread of generative artificial intelligence. It is shown that algorithms have a transformative effect on all spheres of

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

society and lead to the emergence of new business processes, ways of government interaction with citizens and models of social management. However, new technological and social risks are also emerging. Approaches to the formation of legal regulation of the use of artificial intelligence are proposed.

Keywords: digital law; rule of law; experimental legal regimes; generative artificial intelligence; digital state; deep forgeries.

Для цитирования: Коданева С.И. Трансформирующее влияние искусственного интеллекта на государство и общество: правовые вызовы и пути их преодоления (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 3. – С. 7–22. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.03.01

Введение

В современном обществе искусственный интеллект (далее – ИИ) воспринимается как прорывная технология, преобразующая практически все сферы жизни. Однако, прежде чем превратиться из теоретической концепции в один из самых используемых инструментов цифровой экономики, ИИ прошел довольно долгий путь. Появление концепции ИИ принято связывать с Дартмутской конференцией 1956 г., когда А. Тьюринг, Д. Маккарти и М. Мински сформулировали идею о машинном обучении. Однако для ее реализации требовались большие вычислительные мощности и технологии, которыми человечество еще не обладало. В результате в 1970-е и 1980-е годы наступили «зимы искусственного интеллекта» – периоды сокращения интереса к ИИ и, соответственно, финансирования. Технологические прорывы 1990-х и 2000-х годов оживили концепцию ИИ благодаря усовершенствованным алгоритмам, увеличению мощности вычислительных машин и распространению больших объемов данных. Методы машинного обучения, в частности нейронные сети, получили широкое распространение, позволив системам ИИ распознавать закономерности и совершенствоваться на основе опыта. В этот период (примерно с 1990 по 2010 г.) было создано несколько полезных приложений ИИ, которые принято называть «слабым ИИ», основанном на принципе «белого ящика», когда алгоритм сформирован программистом и может решать только «узкие», «конкретные» задачи. В 2010-х годах началась эра «глубокого обучения», в основе которой лежало использование нейросетей, работающих по принципу «черного ящика». Однако ИИ по-прежнему остается «слабым», поскольку он

не может выполнять общие рассуждения, но предназначен для решения конкретных задач. Еще одной неразрешимой задачей оставалось распознавание человеческой речи, или «обработка естественного языка». Ожидалось, что эта способность у ИИ появится только к 2030-м годам. Однако, неожиданно для всех, в 2022 г. OpenAI выпустила ChatGPT, основанный на генеративном ИИ (GenAI), который стал по-настоящему революционным достижением, поскольку оно сделало ИИ способным создавать оригинальный контент – от текста и изображений до музыки и программного кода – путем изучения шаблонов из обширных наборов данных. В отличие от традиционного ИИ, который фокусируется на анализе и прогнозировании, генеративный ИИ производит новые, согласованные результаты, имитирующие творческие способности человека¹.

Возникновение крупных языковых моделей (LLM), таких как ChatGPT, генераторов изображений или DALL·E и MidJourney и инструментов для генерации кода, например GitHub Copilot, преобразило различные отрасли – от маркетинга до здравоохранения. Так, ChatGPT пишет статьи, сценарии и маркетинговые материалы, MidJourney создает логотипы и рекламные объявления, музыкальный автомат OpenAI – оригинальные музыкальные партитуры. The Economist использует GenAI для составления финансовых отчетов, Insilico – разрабатывает молекулярные структуры, Khanmigo от Khan Academy – индивидуальные планы уроков, Zalando позволяет осуществлять виртуальную примерку одежды и т.д.

Таким образом, появление GenAI вплотную приблизило человечество к созданию «общего», или «сильного» ИИ, который сможет логично рассуждать и одновременно решать множество разноплановых задач, т.е. вести себя подобно человеку. Это предоставит новые возможности для развития всех сфер экономики и государственного управления, но также и породит новые риски и вызовы, требующие выработки принципиально новых подходов к правовому регулированию.

Трансформация общества под влиянием искусственного интеллекта

Как было показано выше, ИИ преобразует отрасли креативных индустрий, которые традиционно считались наиболее тесно

¹ Surden H. Artificial Intelligence and Law – an Overview of Recent Technological Changes // University of Colorado Law Review. – 2025. – Vol. 96. – P. 375–411.

связанными с человеческим творчеством. С одной стороны, это подрывает позиции профессиональных участников соответствующих рынков – дизайнеров, композиторов, музыкантов, сценаристов и т.д. С другой стороны, предоставляет новые возможности для тех, кто традиционно считался «потребителями» контента – простых пользователей, которые теперь могут воплощать свои творческие идеи в реальные «произведения» и делиться ими при помощи социальных сетей. Сформировался и активно развивается новый тип экономики – «экономика создателей» (creator economy), в которой «цифровые креаторы» и инфлюенсеры зарабатывают на создаваемом ими цифровом контенте.

Однако под влиянием ИИ постепенно трансформируются и более консервативные отрасли – добывающая и перерабатывающая промышленность, строительство, медицина и другие¹. Автоматизация, основанная на ИИ, революционизирует их, повышая эффективность, снижая затраты и сводя к минимуму человеческие ошибки. Производство, логистика и обслуживание клиентов претерпели значительные изменения благодаря робототехнике, автономным транспортным средствам и чат-ботам на базе ИИ. Такие компании, как Tesla, Amazon и Foxconn, применяют ИИ для управления производственными линиями, складами и для контроля качества, что приводит к более быстрым и точным операциям. Промышленные предприятия, традиционно использующие ручной труд и жесткие технологические процессы, претерпевают глубокие преобразования по мере того, как технологии, основанные на ИИ, меняют производство, цепочки поставок, техническое обслуживание и взаимодействие с клиентами. Предприятия внедряют машинное обучение, компьютерное зрение, обработку естественного языка и робототехнику для повышения эффективности, снижения затрат и повышения конкурентоспособности. Так, «умные фабрики» используют ИИ: для оптимизации производственных линий (ИИ анализирует данные, поступающие от датчиков, в режиме реального времени, чтобы скорректировать настройки оборудования, сокращая время простоя и повышая производительность); технического обслуживания (вместо планового технического обслуживания ИИ прогнозирует отказы оборудования); улучшения контроля качества (системы компьютерного зрения обнаруживают дефекты в продукции с большей точностью, чем люди-контро-

¹ Подробнее см.: Kumar S., Verma A.K., Mirza A. Digital Transformation, Artificial Intelligence and Society. Opportunities and Challenges. – 2024. – 218 p.

леры). Такие компании, как Siemens и General Electric, запускают цифровые двойники, управляемые ИИ, для моделирования и оптимизации производственных процессов перед внедрением. Роботы широко используются на сборочных линиях: манипуляторы, управляемые ИИ, собирают электронику и автомобильные детали с минимальными ошибками, беспилотные транспортные средства перевозят материалы на складах или работают в добывающих карьерах, где людям находиться опасно (например в золотодобывающей компании «Полус»). ИИ повышает эффективность цепочки поставок за счет прогнозирования спроса и автоматизации управления запасами (например в Walmart и Amazon). Интеллектуальные сети помогают энергетическим компаниям балансировать спрос и предложение, а, следовательно, и нагрузку на сети, сокращать потери энергии (например Россети). Добывающие компании внедряют «цифровые месторождения» для управления добычей в районах крайнего севера и на шельфе (например, Лукойл, Роснефть).

В ряде областей принципиально меняются сами бизнес-модели, когда на смену традиционным трудовым отношениям приходит фриланс (например в работе такси, доставке, программировании, маркетинге, создании дизайна и мультимедиа и т.д.)¹.

В финансовом секторе ИИ анализирует обширные массивы данных, чтобы выявлять тенденции и рекомендовать стратегии, оптимизирует инвестиции, обнаруживает мошенничество и улучшает оценку рисков.

Искусственный интеллект улучшает медицинскую диагностику с помощью таких инструментов, как IBM Watson Health и Google DeepMind, которые анализируют медицинские изображения, прогнозируют прогрессирование заболевания и рекомендуют методы лечения. Носимые устройства на базе искусственного интеллекта (например Apple Watch, Fitbit) отслеживают жизненно важные показатели, позволяя на ранней стадии выявлять такие заболевания, как фибрилляция предсердий или диабет. Помимо этого, ИИ ускоряет разработку лекарств, моделируя молекулярные взаимодействия, сокращая время и затраты на вывод новых лекарств на рынок. Например, Moderna использовала алгоритмы для разработки вакцин против COVID-19. Кроме того, ИИ адаптирует

¹ Подробнее см.: Artificial Intelligence in Application. Legal Aspects, Application Potentials and Use Scenarios / eds. T. Barton, Ch. Müller. – 2024. – 197 p.

методы лечения к индивидуальным генетическим профилям, что способствует развитию точной медицины.

В образовании платформы на базе ИИ, такие как Khan Academy и Duolingo, настраивают уроки в зависимости от успеваемости учащихся, повышая их вовлеченность. Чат-боты используются в репетиторстве, а аналитика, основанная на искусственном интеллекте, помогает преподавателям выявлять учащихся, испытывающих трудности.

Не менее серьезному влиянию подвержена и сфера государственного управления, начиная от внедрения концепции «умного города» и заканчивая такими сферами, как правосудие или принятие административных решений. Так, система компьютерного зрения позволяет быстро обнаруживать и задерживать преступников, управлять «умными перекрестками», уличным освещением, регулировать энергопотребление в режиме реального времени, выявлять чрезвычайные ситуации и оперативно на них реагировать¹. Японская система раннего предупреждения о землетрясениях, основанная на ИИ, выдает предупреждения за секунды до начала подземных толчков. Во многих регионах РФ реализованы проекты «безопасный город», «экомониторинг», «лесной дозор», которые передают в операционные центры информацию о пожарах, загрязнении воздуха, штормовые предупреждения и т.д.²

В данных примерах ИИ осуществляет чисто технические функции управления инфраструктурой, однако существуют примеры, когда алгоритмы используются непосредственно при выполнении государственных функций: для обработки документов (особенно составленных по шаблону), взаимодействия с гражданами и первичной обработки их обращений, оптимизации делопроизводства, перехода на реестровую модель оказания государственных услуг, помощи при составлении бюджета, для моделирования последствий принятия законов (например налоговых реформ, политики в области здравоохранения), выявления мошенничества с налоговыми декларациями или заявлениями на получение государственной поддержки и т.д.

¹ Подробнее см.: Kumar S., Verma A.K., Mirza A. Digital Transformation, Artificial Intelligence and Society: Opportunities and Challenges. – 2024. – 218 p.

² Коданева С.И. Потенциал цифровых технологий для смягчения последствий и адаптации к изменению климата // Россия и современный мир. – 2022. – № 1 (114). – С. 63–85.

В Российской Федерации активно внедряется реестровая модель, которая позволит оказывать меры государственной поддержки по факту жизненной ситуации, а не на основании заявления гражданина¹, служба социального обеспечения США использует ИИ для ускорения обработки заявлений о нетрудоспособности за счет анализа медицинских карт и юридических документов, налоговое управление США использует ИИ для выявления случаев уклонения от уплаты налогов, ежегодно возвращая миллиарды долларов в бюджет, система ИИ во Франции выявляет мошеннические заявки на пособие по безработице, Национальная служба здравоохранения Великобритании использует ИИ для прогнозирования поступления пациентов и сокращения времени ожидания, Департамент полиции Лос-Анджелеса использует алгоритмы прогнозирования для снижения уровня преступности, Правительство Южной Кореи создало метавселенную для взаимодействия с гражданами и предоставления им государственных услуг, Европейский союз использует ИИ для оценки экономических последствий климатической политики до ее реализации.

Однако ИИ используется не только как помощник при принятии административных решений или прогнозирования последствий принятия того или иного нормативного правового акта. Его все чаще применяют при принятии судебных решений. Например, в феврале 2023 г. судья Хуан Мануэль Падилья из Картахены (Колумбия) попал в заголовки газет, использовав ChatGPT для вынесения судебного решения². В другом случае федеральный судья Бразилии использовал ту же программу для вынесения решения. Однако оказалось, что ChatGPT в результате так называемой «галлюцинации» выдал несуществующие прецеденты Верховного суда Бразилии. Адвокат проигравшей стороны заметил мошенничество, сообщил об этом, и дело было направлено в Национальный совет правосудия Бразилии³.

¹ Коданева С.И. Цифровое правительство: государство как платформа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 8–20.

² Xukang Wang, Ying Cheng Wu. Balancing Innovation and Regulation in the Age of Generative Artificial Intelligence // Journal of Information Policy. – 2024. – Vol. 14. – P. 385–416.

³ Moretti J.L., Zuffo M.M. Artificial Intelligence in Law: Utilisation by Brazilian Legal Practitioners and Regulatory Challenges // Beijing Law Review. – 2025. – Vol. 16, N 1. – P. 331–352.

Для избежания подобных случаев «галлюцинаций» бесплатной версии ChatGPT судебные органы ряда стран стремятся создавать собственные системы ИИ. Например, система *JurisprudênciaGPT*, разработанная по заказу Апелляционного суда штата Парана (Бразилия), заняла второе место на конкурсе *Gartner Eye on Innovation Awards 2024* для правительств Северной и Южной Америки. Она значительно оптимизирует юридические исследования, позволяя судьям и персоналу суда запрашивать обширную базу данных, содержащую более 4,9 млн судебных постановлений. Инструмент предоставляет точные ответы, подкрепленные ссылками, облегчая принятие решений и повышая эффективность судебной системы. Запущенный в 2018 г. Верховным судом Бразилии и Университетом Бразилиа проект *Victor* ускоряет обработку документов. Среди ключевых функций системы ИИ – преобразование изображений в текст, классификация и разделение документов, а также выявление повторяющихся юридических тем для более быстрого разрешения. В результате время анализа документов по одному делу сократилось с сорока четырех минут до пяти секунд¹.

В Китае проводится национальная политика, направленная на модернизацию юридического сектора путем внедрения «умных» судов. Цифровизация и использование технологий в судебной системе были включены в Национальную стратегию развития информатизации Китая в 2016 г.²

Таким образом, ИИ, несомненно, преобразует общество, коренным образом меняет бизнес-процессы, повышая эффективность, инновации и конкурентоспособность предприятий. Представляется, что компании, использующие ИИ, – от «интеллектуальных» фабрик до автономных цепочек поставок – возглавят следующую волну промышленного развития. Точно так же трансформируется государственное управление. ИИ повышает его эффективность, совершенствуя процессы принятия решений и их реализации. Правительства по всему миру используют ИИ для автоматизации бюрократических процессов, оптимизации распределения ресурсов и улучшения качества государственных услуг. От прогнозирования действий полиции и выявления мошенничества до чат-ботов на базе ИИ для взаимодействия с гражданами ИИ меняет принципы

¹ Moretti J.L., Zuffo M.M. Artificial Intelligence in Law: Utilisation by Brazilian Legal Practitioners and Regulatory Challenges // *Beijing Law Review*. – 2025. – Vol. 16, N 1. – P. 331–352.

² Ibid.

работы государственных органов. Вместе с тем столь стремительное развитие технологий и их массовое внедрение создает новые вызовы и риски, требующие оперативного осмысления и реакции юридического сообщества и законодательных органов.

Риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта

Говоря о рисках внедрения ИИ, следует начать с их разграничения на технологические и социальные. Первые обусловлены как недостатками самих алгоритмов, приводящими к «галлюцинациям» и другим сбоям, так и возможностями для их противоправного использования для причинения вреда отдельным лицам. Вторые носят более глобальный и даже системный характер, поскольку сопряжены с потенциальной угрозой для основ государства и права.

Начнем с первых. Традиционно наибольшее внимание в научной литературе обращено проблемам конфиденциальности и безопасности персональных данных. Это связано с тем, что ИИ для полноценной работы необходимо обучаться на больших массивах данных, включая персональные. При этом разработчики ИИ и регулирующие органы сталкиваются с дилеммой: защита данных или качество ИИ и его развитие, поскольку ИИ, обученный на ограниченной выборке, может давать ложные результаты, а слишком жесткое регулирование в данной области затормозит развитие технологии. Существующие нормативные требования обязывают операторов ИИ обезличивать данные, однако на практике иногда происходят сбои, приводящие к нарушению прав человека. Новой тенденцией стало использование изображений и голосов для создания глубоких подделок (Deep Fakes). Количество контрактов на продажу лиц, в рамках которых покупаются, продаются и лицензируются как реальные, так и созданные ИИ данные о лицах, растет, поднимая новые юридические и этические вопросы о том, кому принадлежат права на лица тех, кто представлен в онлайн- и дополненной реальностях. Возникают двойные риски: потенциальное неправильное использование персональных данных реального лица и введение в заблуждение посредством использования изображения, сгенерированного ИИ¹.

¹ Artificial Intelligence and Cybersecurity in Face Sale Contracts: Legal Issues and Frameworks / Lobna Abdalhusen Easa Al-saeedi, Doaa Fadhil Gatea Albo Mohammed, Firas Jamal Shakir, Faric Kamil Hasan, Ghadeer Ghazi Shayea, Yahya Layth

Следующей проблемой является достоверность результатов работы ИИ. Так, ИИ может вводить в заблуждение посредством алгоритмического обмана (например глубокие подделки, предвзятые выводы, основанные на алгоритме) или некачественных данных, использованных для обучения. Так, ChatGPT упрекают в том, что он выдает результаты на основе непроверенных данных из Интернета. Отсутствие механизма фильтрации на этапе предварительного обучения приводит к генерации ошибочной или ложной информации, что усугубляется сложной природой алгоритмов глубокого обучения¹. Соответственно, правильность работы ИИ зависит от качества наборов данных, надежной работы алгоритмов в различных сценариях и соответствия полученных результатов реальности. Важно также правильное использование самих алгоритмов, которые различаются по механизмам работы. Соответственно, один и тот же ИИ может правильно предсказывать тенденции развития определенных явлений, но выдать ошибочный результат при решении текущей оперативной задачи, и наоборот. Кроме того, любой ИИ отражает этические и моральные принципы его разработчиков; в результате он может выдавать достоверный результат для одной нации, но ошибочный для другой, придерживающейся других духовных ценностей. Поэтому в научной литературе абсолютное большинство авторов призывают к прозрачности ИИ. Однако следует учитывать, что прозрачность отнюдь не всегда обеспечивает достоверность. Более того, зачастую это два противоречащих друг другу принципа работы ИИ². Прозрачность в ИИ означает ясность и открытость процессов принятия решений: что позволяет пользователям, регулирующим органам и заинтересованным сторонам понимать и тщательно изучать системы ИИ, что, однако, приводит к упрощению алгоритма. Достоверность, с другой стороны, касается точности и надежности результатов ИИ, однако высокоточным моделям ИИ (например, «черным ящикам» глубокого обучения) может не хватать интерпретируемости, что снижает прозрачность.

Khaleel, Mustafa Habeeb // *Mesopotamian Journal of Cybersecurity*. – 2024. – Vol. 4, N 2. – P. 129–142.

¹ Xukang Wang, Ying Cheng. Wu Balancing Innovation and Regulation in the Age of Generative Artificial Intelligence // *Journal of Information Policy*. – 2024. – Vol. 14. – P. 385–416.

² Подробнее см.: Marwala T. *The Balancing Problem in the Governance of Artificial Intelligence*. – 2024. – 251 p.

Еще одной широко обсуждаемой проблемой ИИ является алгоритмическая дискриминация. Этот риск повсеместного внедрения ИИ обсуждается наравне с проблемой защиты персональных данных. Здесь следует добавить, что алгоритмическая дискриминация бывает двух типов: корректируемая предвзятость и присущие ИИ ограничения. Первый тип может быть обусловлен нерепрезентативностью данных или ошибкой дизайна алгоритма. Второй – несовершенным уровнем развития технологий, их недостатками (например неспособностью учитывать контекстуальные нюансы), либо нормативными ограничениями (что опять-таки пересекается с проблемой использования персональных данных для обучения алгоритмов). Соответственно, бороться с первым типом алгоритмической дискриминации можно чисто техническими способами. Во втором случае возможно информирование пользователей о заложенных недостатках, а также вовлечение всех заинтересованных сторон в разработку ИИ для поиска путей устранения данного типа алгоритмической дискриминации.

Что касается социальных рисков, то наиболее обсуждаемыми из них являются сокращение рабочих мест за счет автоматизации рутинных рабочих процессов, а также уже упоминавшаяся трансформация ряда отраслей посредством перехода на модель фриланса, когда люди из работников, защищенных трудовым законодательством, переходят в разряд самозанятых, лишенных всех трудовых прав и гарантий.

Еще одним распространенным явлением стала «макдонализация» многих сфер хозяйства, которая означает распространение бизнес-принципов предприятий быстрого питания на рабочие процессы других учреждений. Например, электронные системы медицинского контроля дегуманизируют медицинскую практику, поскольку врачи проводят 40% своего рабочего времени за компьютерами и только 12% – с клиентами. При этом они все в большей мере полагаются на Интернет, переставая запоминать многие важные для клинической практики вещи. Высказываются опасения, что это будет способствовать де-профессионализации врачей и сокращению рабочих мест.

Р. Вон Майдель и К. Мензель обращают внимание на трансформацию антиконкурентных практик, поскольку цифровые монополии получают массу возможностей для злоупотреблений в рамках действующего законодательства. В связи с этим они призывают принимать антимонопольные меры на ранней стадии, а не после осознания того, что фирмы достигли доминирующего поло-

жения на рынке. Это касается таких практик, как алгоритмический сговор, «огороженные сады» (когда платформы навязывают пользователям различные сервисы, вынуждая их оставаться в рамках одной экосистемы), «убийственные приобретения» (покупка стартапов с единственной целью недопущения конкуренции) и т.п.¹

Широкое распространение глубоких подделок позволяет создавать гиперреалистичные тексты, изображения, аудио и видео. С одной стороны, это может быть полезно в индустрии игр и развлечений. Однако все чаще технология используется в преступных целях – для создания фейковых новостей и ложного контента, как для мошенничества, так и для манипулирования общественным сознанием. Нашумевшим примером первого стал случай, когда банковского менеджера в Гонконге обманом заставили перевести 35 млн долл. после того, как он услышал голос руководителя, созданный с помощью ИИ. Второй вариант неправомерного использования ИИ представляет собой значительный социальный риск. В сочетании с так называемыми «эхо-камерами», системой таргетирования на основе анализа пользовательских запросов с помощью ИИ, происходит фрагментация публичного дискурса, наполнение его ложными нарративами, ограничение доступа людей к полной и достоверной информации. Система фильтров, используемых социальными платформами, также сужает сферу, в которой граждане, делящиеся своим мнением, могут быть услышаны. Как отмечает С.Х. Кан, такое подавление свободы выражения мнений фактически разрушает основу демократии, которая всегда строилась на свободном обмене мнениями и идеями. Он подчеркивает, что деятельность платформ социальных сетей по модерации онлайн-контента представляет угрозу свободе выражения мнений в киберпространстве, особенно учитывая, что модерацию осуществляет ИИ, который не способен распознавать культурные нюансы, например в пародии или сатире. Одновременно инструменты компьютерной пропаганды, включая ботов и троллей, стали новым типом политического ресурса, владея которым, партии получают конкурентное преимущество перед своими оппонентами, что ока-

¹ Maydell R. von, Menzel Ch. The Rise of Artificial Intelligence: Towards a Modernisation of Competition // AI in Business and Economics. – 2024. – P. 3–16. – URL: https://www.researchgate.net/publication/383929954_Chapter_1_The_Rise_of_Artificial_Intelligence_Towards_a_Modernisation_of_Competition_Policy (дата обращения: 12.04.2025).

зывает негативное влияние на выборы как основную форму представительной демократии¹.

Одновременно ИИ предоставляет широкие возможности для массовой слежки и контроля за поведением миллионов людей по всему земному шару. Причем возможностями этими пользуются не только и не столько государства, сколько транснациональные корпорации, получающие неограниченные возможности влияния как на массовое сознание и поведение людей, так и на сферу государственного управления. Это усиливается в случае чрезмерного и неконтролируемого использования алгоритмов в государственной сфере, особенно, когда пользователи – чиновники и государственные служащие – не имеют достаточных компетенций для проверки достоверности полученных с помощью ИИ результатов.

Таким образом, социальные риски использования ИИ таят в себе угрозу не только отдельным людям, страдающим от мошенников или алгоритмической дискриминации. Они способны создавать дисбалансы или даже разрушать целые отрасли экономики, а также подрывать правовые основы демократического государственного управления.

Правовые подходы к преодолению рисков использования искусственного интеллекта

Практически все страны мира озабочены выработкой собственных подходов к правовому регулированию использования ИИ. Основное внимание при этом уделяется защите персональных данных, прозрачности ИИ, особенно используемого в сфере государственного управления, а также защите от подделок. Преимущественно государства придерживаются трех принципиальных подходов: в США правовое регулирование довольно обширно, однако преимущественно направлено на стимулирование развития ИИ. Что касается ограничений, то они устанавливаются отраслевыми ведомствами посредством утверждения технических стандартов. Законодательство Евросоюза, напротив, характеризуется направленностью на защиту от рисков, прежде всего, когда речь идет о

¹ Kan C.H. Artificial Intelligence (AI) in the Age of Democracy and Human Rights: Normative Challenges and Regulatory Perspectives // International Journal of Eurasian Education and Culture. – 2024. – Vol. 9, N 25. – P. 145–166.

правах человека¹. При этом правоприменительная практика в странах ЕС также отличается жесткостью. Например, в Италии и Польше ChatGPT запретили как нарушающий принципы обработки персональных данных. Ряд стран (например Китай, Южная Корея, ОАЭ) принимают государственные планы, стратегии или политики, направленное на подконтрольное государству развитие технологий. Страны Латинской Америки, в частности Бразилия, при разработке собственного правового регулирования стараются учитывать требования ЕС, балансируя их с собственными национальными особенностями развития².

Однако по-прежнему остается ключевым вопрос о поиске наиболее оптимального подхода к правовому регулированию ИИ, учитывая необходимость соблюдения баланса между защитой общественных интересов, развитием этичного ИИ и поощрением инноваций. Двумя принципиально различными подходами являются нормативное регулирование и саморегулирование. Саморегулирование охватывает процесс, посредством которого индустрия искусственного интеллекта устанавливает и внедряет свой собственный набор правил. Этот подход основан на использовании знаний и опыта профессионалов бизнеса, поощряя творческий подход и позволяя быстро адаптироваться к технологическому прогрессу, предлагать индивидуальные решения для уникальных проблем, связанных с развитием ИИ. Очевидным недостатком саморегулирования является то, что бизнес всегда будет думать, прежде всего, о своей прибыли. Поэтому установление представителями отрасли внутренних правил и этических принципов не позволит в полной мере защищать более широкие, общественно значимые ценности, такие как защита персональных данных, единство технических требований и стандартов, обеспечивающих безопасность ИИ, и т.п. Инновации и рыночная конкуренция могут вступать в противоречие с этическими соображениями и важностью предупреждения рисков, что, в итоге, может привести к снижению уровня стандартов безопасности.

¹ Алферова Е.В., Скурко Е.В. Нормативные подходы Европейского союза и Соединенных Штатов Америки к правовому регулированию искусственного интеллекта: сравнительные аспекты // Актуальные проблемы Европы. – 2025. – № 2. – С. 43–57.

² Walter Y. Managing the Race to the Moon: Global Policy and Governance in Artificial Intelligence Regulation—A Contemporary Overview and an Analysis of Socio-economic Consequences // Discover Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 4, N 14. – P. 4.

В этом смысле нормативное регулирование является более приоритетным. Однако органам власти трудно оперативно реагировать на стремительное развитие технологий. При этом возможно использование четырех типов государственного регулирования: принятие общих стратегий и политик, законов, регулирование с помощью подзаконных актов (в частности путем установления экспериментальных правовых режимов) и установление технических стандартов, обеспечивающих минимальный уровень безопасности. Как было показано выше, на современном этапе государства, как правило, используют какой-то один из этих правовых подходов либо сочетание двух из них. Например, принятие стратегии и утверждение стандартов (США), принятие политики (принципов разработки ИИ) и реализация экспериментов на уровне провинций, регулируемых местным законодательством (Китай), принятие стратегии и подзаконного регулирования в рамках экспериментальных правовых режимов (Россия), принятие законов (ЕС).

Однако достижение баланса между развитием инноваций и защитой общественных интересов требует комплексного подхода. Во-первых, необходимо законодательно закрепить требование учета этических вопросов при разработке ИИ в форме базовых принципов (объяснимость ИИ в сочетании с достоверностью, отсутствие алгоритмической дискриминации, неприкосновенность частной жизни, обеспечение справедливого доступа к ИИ для всех). Во-вторых, необходим государственный контроль за соблюдением этих руководящих принципов. В-третьих, – расширение использования «цифровых песочниц» для выработки оптимального правового регулирования ИИ в сочетании с постоянным мониторингом и оценкой формирующихся правоотношений с целью оперативной адаптации государственной политики с учетом возникающих проблем и возможностей ИИ. В-четвертых, – тесное взаимодействие между государством, обществом, представителями отрасли ИИ, и использующими алгоритмы представителями других отраслей бизнеса, а также баланс между регулированием и саморегулированием.

Заключение

Как можно видеть, развитие ИИ значительно опережает даже самые смелые прогнозы специалистов в данной области технологий. Не отстает от него и трансформация общественных отношений, формируя принципиально новую социальную реальность.

Это ставит перед лицом юридического сообщества вызов, обусловленный не просто необходимостью поиска инструментальных решений в отдельных отраслях законодательства, но формирования новаторских подходов к осмыслению базовых правовых концепций. В этой связи нельзя не согласиться с П. Бургесом, который в своей монографии анализирует развитие концепции верховенства права под влиянием общественных преобразований, показывая, что эта концепция со временем трансформировалась и расширялась – современное верховенство права означает обязанность государства по недопущению произвола власти, от кого бы он не исходил – государства или частного субъекта. Автор приходит к выводу, что существующие рамки верховенства права, включая его современные концепции, не могут адекватно регулировать использование ИИ. Это означает, что концепция верховенства права должна трансформироваться, чтобы оставаться актуальной в условиях развития ИИ. При этом она не может быть продолжением прошлого – новую концепцию верховенства права необходимо «изобрести заново», чтобы ограничить власть ИИ, сохраняя при этом справедливость, прозрачность и демократическую легитимность, как когда-то заново сформулировал эту концепцию А. Дэйси в ответ на проблему, которая возникла в его обществе¹.

Действительно, сегодня общество сталкивается с рисками произвола власти ИИ или тех, кто его разрабатывает / использует. Это означает, что формы правового регулирования отношений могут видоизменяться. Неизменными должны оставаться две вещи. Во-первых, на государстве должна лежать ответственность за недопущение произвола власти и нарушения прав человека любым субъектом регулирования, будь то государственный аппарат или технологические компании. Во-вторых, в какой бы форме не осуществлялось государственное управление и как бы при этом не использовался ИИ, ответственность всегда лежит на конкретном человеке. Должностные лица не должны в обоснование своих решений ссылаться на ИИ, перекладывая ответственность на алгоритмы. Они должны четко осознавать, что алгоритм – это не более чем инструмент, помощник, но любое решение, влекущее правовые последствия – хоть для одного человека, хоть для общества в целом, – принимает конкретный государственный служащий, несущий за это решение полную ответственность.

¹ Burgess P. AI and the Rule of Law. The Necessary Evolution of a Concept. – 2024. – 200 p.